

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 9; poiginaeb@yandex.ru)

НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется воздействие важнейшего события истории России – революции 1917 г. – на формирование национально-государственной идентичности в ракурсе представления этого события в «публичной истории» – средствах массовой информации, публичной политике, властном дискурсе, массовом сознании. Выявляются истоки и причины сохраняющихся до сих пор расхождений и разногласий в оценке событий революции, ее влияния на последующее развитие российского государства и общества. Анализируются возможности преодоления этих разногласий в обозримом будущем, тактика и стратегия символической политики отдельных акторов в представлении событий революции, ее последствий, воздействие символической политики (политики памяти) на формирование национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, революция, смута, публичная история, символическая политика, повестка дня, цивилизация, коммунистическое наследие, тоталитаризм

В статье автор исходит из концепции, что национально-государственная идентичность (в трактовке других специалистов – макрополитическая идентичность) характеризуется 4 кластерами общих убеждений и представлений о стране и нации:

1) коллективное «мы» – представление о нации и стране, где в качестве институциональных скреп выступает государство (моя страна, родина предков и т.д.), а в качестве гуманитарных – моральное сообщество (доверие, солидарность, обязательства в отношении других членов общества);

– «значимые другие» – страны и народы, постоянное взаимодействие с которыми позволяет лучше понимать свое отличие, самобытность;

– интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории;

– проект желаемого будущего [Комаровский 2013: 577].

В современную эпоху «бытия на разломе» традиции, образ мысли и действий, ценности и нормы – все, что позволяло человеку и обществу идентифицировать, отождествлять себя с себе подобными (или выделяться среди других), пришло в движение, потеряло свою прежнюю устойчивость и определенность. Это глобальная проблема. Но для некоторых стран (Россия – в их числе) она особенно актуальна и болезненна. В 1991 г. после распада СССР и смены общественно-политического строя в Российской Федерации, когда она стала отдельным государством, была поставлена под сомнение вся история 70-летнего бытия в формате социалистического государства, а частично и более отдаленного времени – времени Российской империи. Попытка сконструировать национально-государственную идентичность России по образцам современной западноевропейской цивилизации закончилась полным провалом. Политическая и интеллектуальная элита вынуждена была обратиться к собственной истории, в которой попыталась найти ответы на вопросы национальных истоков, причин побед и поражений.

Нет нужды кого-либо убеждать, что абсолютное большинство граждан имеют то представление об истории своей страны, которое сформировано в первую

очередь системой воспитания и образования, СМИ, отчасти исторической литературой, музеями, памятниками. Исключение составляет, пожалуй, лишь ближайшее прошлое, участниками событий которого являлись или сам человек, или его ближайшее окружение (отец, мать, бабушка и т.д.). Именно названные средства формируют общепринятые представления о прошлом — то, что называется публичной историей (в отличие от профессиональной истории, являющейся уделом специалистов-историков). И именно публичная история, интерпретация и презентация прошлого, адресованная широкой публике, оказывает большое влияние на формирование представлений о коллективном «мы», общей судьбе, мобилизацию групповой солидарности и служит строительным материалом для конструирования идентичности [Малинова 2015: 5-22]. Как отмечает Д. Белл, чтобы сформировать «чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом, в котором нации отводится центральная и позитивная роль» [Bell 2003: 72]. Конструирование нарратива — сюжетно сформированного повествования, который описывает и «объясняет» генеалогию общества, устанавливает связь между временем и событиями, задает шаблоны интерпретации конкретных событий прошлого, создает тем самым «инфраструктуру» коллективной памяти и объяснение того, каким образом из коллективного прошлого вырастает настоящее и будущее. Нарратив отражается (и закрепляется) в программах школьных учебников, учреждении памятных дат и праздников, государственной символике, ритуалах и церемониях, отмечающих наиболее значимые события в жизни страны. Помимо этого, он отражается и воплощается в тех или иных актах правового регулирования и принуждения (пример: преследование за отрицание факта холокоста), использовании общественных ресурсов для организации мероприятий, закрепляющих в памяти людей те или иные исторические события, точнее, их современную трактовку.

Завершая теоретическое введение к анализу заявленной проблемы, отметим следующее.

1. В эпоху развитости учреждений и средств отражения исторической памяти (музеев, мемориалов, выставок, документальных фильмов и т.д.), возрастания интереса населения к собственной истории она становится важным объектом современной публичной политики и формирования национально-государственной идентичности.

2. Обращаясь к прошлому, формируя политику памяти (символическая политика), политики решают в первую очередь насущные задачи современного бытия, такие как легитимация политического режима (или оспаривание этой легитимации), обеспечение поддержки принимаемых решений, мобилизация граждан на их реализацию (противодействие им), консолидация общества и обеспечение солидарности его членов, ориентация граждан по отношению к другим странам и народам. «Переписывание истории» в этой связи — процесс естественный и в какой-то мере необходимый, но лишь в определенных рамках, чтобы не нарушать общую логику повествования. Рамки переименования определяются глубиной тех изменений, которые происходят в обществе, уровнем конфликтности (солидарности) элитных кругов.

3. Интерпретация (переинтерпретация) событий прошлого связана, как правило, с их упрощенной трактовкой и, в той или иной мере, мифологизацией. Для политики важен не сам по себе исторический факт, а как он будет воспринят большинством граждан, как его подать, чтобы добиться желаемого эффекта. Особенно важно, какие факты и события исторического прошлого выносятся на повестку дня, становятся предметом публичного обсуждения, дискурса.

В качестве таковых в последние десятилетия, в период президентства В. Путина (временные рамки нашего анализа), следует выделить:

1) период зарождения российского государства (принятие христианства, Киевская Русь – X в.);

2) революция 1917 г. и все, что с ней связано;

3) Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Обращение к этим историческим событиям, попеременно или одновременно, диктовалось прежде всего задачами внутреннего государственного и общественного строительства, положением России на международной арене. Центральное место среди названных событий занимает, конечно, революция 1917 г., и не только в связи с приближающимся 100-летним юбилеем.

Самоопределение России, выбор вектора развития связан в первую очередь с трактовкой революции 1917 г. – главного события российской истории XX столетия. Как заявляют специалисты, ее последствия так грандиозны, что и через 100 лет Россия живет в созданном им социальном пространстве, в его магнитном поле, преодолеть до конца которое не представляется возможным. Ряд изменений в социальном поле России, вызванных большевистско-народной революцией 1917 г., оказались необратимыми [Современная Россия... 2014: 8, 62-98].

В чем эта необратимость? Начиная со времен Петра I и Екатерины II Россия считала себя неотъемлемой частью Европы. Так же и Европа (Запад) относилась к России. В 1917 г. эта связь была разорвана, и траектории развития России и Европы разошлись. После окончания Второй мировой войны от Запада отпали (как выясняется, не по своей воле) и страны Центральной Европы. В 90-х гг. прошлого столетия страны Центральной Европы и Прибалтики вернулись в лоно западной, европейской цивилизации. Россия – нет. В 2012 г. накануне переизбрания на президентский пост Владимир Путин заявил, что Россия – это особая многонародная цивилизация, скрепленная русским культурным кодом. Таким образом, ментальное размежевание с Европой (Западом), на котором настаивали определенные круги интеллектуалов уже не одно столетие, получило официальную поддержку. Затем позиция была уточнена: Россия – особая цивилизация, но в рамках общей европейской цивилизации. Таким образом, размежевание, необратимое все же относительно. Связь времен, сложность отношений с Европой отражена даже в символике России. Герб – византийский, олицетворяющий единение с христианской цивилизацией в ее православном варианте; флаг – времен Петра I, когда Россия стала неотъемлемой частью Европы, гимн (музыка) – советский. Включение советского гимна в число основных символов государства – констатация факта связи с событиями, связанными с революцией 1917 г., вне зависимости от того, вызывают ли эти времена чувство восхищения или горечи и стыда. Это констатация и того факта, что, несмотря на все громадные перемены и на то, что нынешняя Российская Федерация – это не Советский Союз, современный россиянин по-прежнему испытывает на себе существенное влияние советского прошлого.

Часть российских либералов клянет за это свой народ, утверждая, что его необходимо «переформатировать» и без этого невозможен прогресс, инновации, движение вперед. Автору проблема видится совсем не в таком черно-белом цвете. Если бы при социализме в сознании людей не укоренилось чувство общественного долга, в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда врачам и учителям (и не только им) годами не выплачивали зарплату, закрылись бы все школы и больницы, остановились бы поезда и трамваи, и страну ждал бы коллапс.

Есть и другие важные причины выдвигать революцию 1917 г. на передний план. Вот первая из них. В отношении Великой Отечественной войны, происхождения Российского государства, его христианских корней в общем и целом в

российском обществе сформировался консенсус. Особенно это касается войны 1941–1945 гг. Негатив, связанный с войной, — просчеты политического руководства страны накануне и в первый год войны, тяготы и лишения, связанные с войной, потеря близких и родных, неоднозначные политические решения накануне войны (например, пакт Молотова-Риббентропа) и многое другое, — его присутствие в публичном дискурсе рефлексировалось гражданами страны, но на втором плане. В центре — мужество и героизм советского народа (русского, российского), его стойкость и мужество, способность переносить самые невероятные трудности и лишения, верность и любовь к собственной стране и государству, умение сплотиться перед общей бедой, выстоять в критической ситуации и победить самого сильного, самого лютого врага в лице фашизма и освободить не только себя, но и многие другие народы Европы от неизбежного порабощения. Все это переносится на современность как необъемлемые черты коллективного «мы» россиян, основа их идентичности, формирует дух победителя, гордость за державу, веру в особое предназначение (миссию) России. Абсолютное большинство россиян разделяют и поддерживают такой подход и такую оценку событий Великой Отечественной войны. В подтверждение лишь один факт: по данным многолетнего мониторингового исследования социологического центра РАНХиГС «Историческая память российского общества», отвечая на открытый вопрос: «Какими достижениями России Вы гордитесь?», — респонденты на 1-е место неизменно ставили победу в Великой Отечественной войне.

Обозначенная позиция в оценке Великой Отечественной войны вполне приемлема и для большей части политического истеблишмента всего политического спектра. Либеральную оппозицию в ней устраивает то, что победа достигнута не благодаря мудрости тов. Сталина или «организующей и вдохновляющей роли КПСС», а кровью и потом простого народа. Коммунисты же, отдавая должное патриотизму народа, не забывают, конечно, сказать и об «организаторах и вдохновителях» победы. Больше всего она устраивает проправительственные круги. Во-первых, потому, что позволяет на полную мощь использовать потенциал Победы в целях формирования единства нации, опираясь при этом на спонтанные творческие порывы и инициативы народа (например, «Бессмертный полк» — инициатива, которая всего несколько лет назад зародилась в Сибири, а теперь перешагнула даже границы страны). Во-вторых, она позволяет нынешнему правящему классу, с одной стороны, размежеваться с коммунистическим наследием, а с другой — выборочно использовать его достижения на отдельных направлениях. Безусловно, Великая Отечественная война была и останется в обозримом будущем одним из самых важных ресурсов формирования национально-государственной идентичности России.

Совсем иначе обстоит дело с революцией 1917 г. и ее последствиями для настоящего и будущего страны. Абсолютное большинство специалистов признают, что до сих пор в обществе, в экспертных кругах, среди историков нет единства ни в понимании смысла и значения революции, или в оценке ее воздействия на российскую государственность и российский народ. Объясняется это идеологизированностью аналитиков и малым временем для осмысления события такого масштаба: до 1991 г. господствовал апологетический взгляд на события 1917 г. и их последствия. Примерно еще десятилетие после 1991 г., наоборот, торжествовала апологетика всего того, что им противостоит. Автор готов принять это объяснение, но не в качестве конечной причины. Она в другом: солидарного взгляда на события такого масштаба быть не может по определению до тех пор, пока не станет солидарным нынешнее общество. В России еще не завершился процесс формирования нового глубоко дифференцированного, многослойного, постоянно обновляющегося общества, хотя уже произошли

качественные сдвиги в экономической, социальной и политической сферах, завершается процесс формирования новых ценностей, отвечающих духу рыночной экономики и демократии. Россияне больше всего начинают ценить в окружающих людях активность и инициативность, гражданское достоинство, уважение к правам других людей и солидарность с ними [Горшков 2016]. Начал выстраиваться и образ желаемого будущего: жить в достатке, иметь хорошее здоровье, утвердить справедливость и разумное общественное устройство, что, прежде всего, предполагает торжество добродетели и вознаграждение по труду и квалификации. Но в отношении того, что такое социальная справедливость и насколько справедливо общественное устройство современной России, единства как раз и нет [Горшков 2016], а справедливость – одна из центральных ценностей для россиян. Доля населения, считающего, что общественный строй России не отвечает критериям справедливости, колеблется во временных рамках (сейчас она повысилась) и не полностью совпадает по результатам исследования ведущих социологических центров (Институт социологии, ВЦИОМ, Левада-Центр). Тем не менее она составляет около 40%. Многие из этих 40% считают, что советская система и советская власть были более справедливыми и эффективными, чем нынешняя российская власть [Шестопап 2015]. Отсюда и отношение ко всему тому, что связано с Октябрем 1917 г. и последствиями революции. Одна из главных причин несправедливости современного общественного устройства, причем это касается как России, так и других стран, – рост социального расслоения и бедности. Этому был посвящен и последний Всемирный социологический конгресс, проходивший в Польше в прошлом году.

Как заявил по этому поводу Дж. Стиглиц, политическая система США работает преимущественно на увеличение неравенства в доходах. Верхушка использует свою власть не только для несправедливого распределения, но и создания таких правил игры на рынке, которые действовали бы исключительно в ее пользу, а также для создания инструментов отъема у остального общества так называемых излишков.

Не думаю, что, если бы Дж. Стиглиц анализировал ситуацию в России, он что-то существенно поменял бы в своих оценках сложившейся ситуации. И, что, может быть, самое главное, рецептов решения проблемы социального расслоения и масштабов растущей бедности пока не может предложить никто – ни в России, ни в какой-либо другой стране.

Общий вывод: причину расхождений, диаметрально противоположных оценок событий 1917 г. и советской истории в целом нельзя понять без анализа тех коллизий, которые характеризуют современное российское общество.

Каков диапазон расхождений в оценках событий 1917 г.? В марте 2017 г. автор поручил студентам – слушателям его курса по проблемам идентификации провести анализ газетных публикаций, связанных с событиями революции в России в феврале 1917 г. (январь–февраль 1917 г.). Выяснилось, что в большинстве публикаций Февральская революция рассматривается всего лишь как пролог Октябрьской революции, как звено единого процесса, который и после октября 1917 г. растянулся еще на десятилетие. Соответственно, события февраля 1917 г., как правило, так или иначе связывались с событиями октября 1917 г. и последующими, вплоть до распада Советского Союза.

Диапазон оценок чрезвычайно широк – от переворота, организованного группой безжалостных авантюристов, проплаченного внешними силами (либерально-оппозиционная «Новая газета») до величайшей в истории человечества народной революции, указавшей светлый путь всему человечеству (прокоммунистическая «Советская Россия»). Что характерно, и в массовом сознании раз-

брос оценок революции 1917 г. очень широк. По данным упомянутого выше мониторингового исследования социологического центра РАНХиГС, в начале нулевых годов примерно 1/3 опрошенных одобряли революцию, 1/3 – порицали и 1/3 – затруднились выразить свою позицию. И только 10 лет спустя произошел существенный сдвиг. Отвечая на вопрос: «Как сказалась Октябрьская революция 1917 г. на судьбе России?» – в 2010 г. 40,4% ответили: «как бедствие для страны», 26,2% – «как благо для страны». Остальные затруднились с ответом. В этой ситуации в рамках заявленного подхода рассматривать крайние точки зрения не имеет смысла.

Как можно будет убедиться ниже, они не имеют никакого шанса закрепиться в массовом сознании, а значит и не представляют интереса для публичной истории. Они не могут быть взяты на вооружение правящим классом или другими акторами для формирования национально-государственной идентичности России с учетом того, что ее одновременно и целенаправленно формируют правящий политический класс, оппозиция, внешние игроки и что она спонтанно формируется помимо их усилий. Более перспективным представляется анализ другой дихотомии: в 1917 г. произошла (началась) настоящая революция, подобная Великой Французской революции XVIII в., или это очередная российская «смута», которая вытекает из самой сущности исторического существования российской государственности, ее временных успехов и периодических кризисов, неустойчивого равновесия между крайностями «смута – застой». Это равновесие периодически нарушается и возникает смута, в результате которой власть воспроизводит саму себя в новом облике. В этом хаотичном самовоспроизводстве системы власти и состоит суть потрясений в России как в XVI в., так и дважды в 1917 г. Таков подход либерально настроенных историков, политологов и публицистов. Наиболее четко эта позиция представлена в трудах и выступлениях видного российского историка академика Ю.С. Пивоварова, в книге В.П. Прохорова «Красная смута». Много интересного на этот счет можно почерпнуть из всемирно известного произведения А. Солженицына «Красное колесо». Факт периодической смуты как разрушения государственности в российской истории не отрицают и коммунисты. Но, естественно, не по отношению к октябрю 1917 г., а к XVI в. и 1991 г. Полагаю, что обозначенный подход может быть задействован в том или ином качестве в официальной риторике, дискурсе, который обостряется накануне годовщины Октября. Для правящего класса в этом подходе есть как привлекательные, так и неприемлемые моменты. Привлекательные: революционные потрясения ничего позитивного не дают обществу, а лишь разрушают государственность, ввергают страну в хаос и братоубийственную войну. Этот подход можно широко использовать в целях формирования национально-государственной идентичности в плане укрепления государственности. Как показывают мониторинговые исследования Института социологии РАН, общенациональная идентичность россиян основывается, прежде всего, на едином государстве (66%), на представлении о территории (54%), государственном языке (49%), историческом прошлом (47%) [Дробижина, Рыжова 2015: 16].

Ясно, что неприемлемо для правящего класса и большинства народа и утверждение, что Россия движется по замкнутому кругу и «света в конце туннеля» не видно. Более органичным для формирования национально-государственной идентичности представляется подход, лаконично охарактеризованный Ю.А. Красиным как «величие и трагизм советского эксперимента» [Красин 2017: 10]. Его суть: советская система, начало которой положила революция 1917 г., – это один из ответов на кризис стадии развития индустриального общества в капиталистическом обличье, амбивалентный симбиоз массового творчества низовой демократии в лице новой формы организации власти Советов и автори-

тарно управляемой политической организации в лице коммунистической партии. Это и определяет дуализм итоговой оценки значимости советского опыта, в котором парадоксальным образом слились воедино демократический подъем снизу, раскрепостивший народную инициативу, и жесткая тоталитарная версия национализации этой инициативы. Что привлекательного в этом подходе для власти? Во-первых, революция октября 1917 г. в этом подходе представлена как единственная возможность сохранить российскую государственность, чего не отрицал и такой непримиримый критик большевизма, как Н. Бердяев. А государственность, ее сохранение — это главное направление формирования идентичности для власти. Во-вторых, в центре, как и в случае Великой Отечественной войны, ставится энергия и творчество широких масс. В-третьих, этот подход позволяет выборочно использовать советский опыт. И в-четвертых, он не закрывает путь для критики этого опыта, прежде всего массовых репрессий, связанных с культом личности Сталина, а эта проблема — одна из самых острых в историческом наследии России. В стране еще живет достаточно много людей, отцы и деды которых прошли через гулаговские лагеря или погибли в застенках НКВД. Они не хотят ни забыть, ни простить тех, кого называют палачами. С ними солидарны многие демократически и либерально настроенные граждане.

И в то же время у значительной части общества отношение к Сталину до сих пор достаточно лояльное. Налицо, таким образом, коллективная травма, которая негативно отзывается на формировании чувства единства, сплоченности российского народа, формировании гражданской нации, национально-государственной идентичности.

Каковы перспективы преодоления этой коллективной травмы, формирования консенсуса вокруг революции 1917 г. и ее последствий? Этот больной вопрос рассмотрим на примере символической фигуры Сталина.

Чем привлекательна для части россиян фигура Сталина? Если это отражение тяги к «сильной руке», то компромисс невозможен. В определенной мере желание «сильной руки» имеет место в современном российском обществе. Ностальгия по сильной власти сегодня в разных формах артикулирована в части российского общества. Сталинская эпоха представляется героическим временем грандиозных перемен, во время которых общество было по-настоящему консолидированным, бессознательная агрессия удачно канализировалась как в трудовой энтузиазм, так и в отношении к реальным и мнимым врагам. Сам Сталин воспринимается как масштабная личность, инициировавшая такие глобальные трансформации в стране, что террор и насилие отступают перед их значимостью в качестве вполне приемлемой цены за столь значимые достижения [Сохань, Нездюров 2015].

Переключается ли это с той поддержкой, которую общество искренне оказывает мягкому гибриднему авторитаризму в современной России, основанному скорее не на принуждении, а на пропаганде и убеждении и допускающему существование оппозиции — как системной, так и несистемной? Отчасти да. Но еще в большей мере лояльность Сталину — это привлекательная и для нынешних россиян великодержавность, проецируемая на всю тысячелетнюю историю России, в которой Сталин — лишь один из эпизодов, хотя и очень значимый. Практически никто в современной России, как показывают данные многих исследований, не желает возрождения сталинизма и не готов платить любую цену за возвеличение России. Хотят гордиться великой страной — да, но не сверхдержавой, а великой. Великой, прежде всего, своими достижениями в обустройстве жизни собственных граждан, а не имперскими амбициями. И еще это упрек в адрес нынешней власти, ее безответственности и корысти. Сталин был жестоким для всех. Он не согласился обменять собственного пленного сына на немецкого

фельдмаршала Паулюса, а нынешний правящий класс, вплоть до самых верхов, исключая лишь президента, думает, по мнению едва ли не большинства граждан, чаще о собственном обогащении, устройстве своих детей, нежели о государственных делах, нуждах народа.

И, пожалуй, самый значимый аргумент в пользу возможности движения к компромиссу, преодолению коллективной травмы, связанной с революцией 1917 г. В жизнь вступают новые поколения, для которых события недавнего прошлого не играют такой роли, которую они играют для людей, непосредственно причастных к ним. Острота противоречий, связанных с оценкой прошлых исторических событий, расколовших не так давно общество, постепенно пойдет на убыль, и появится возможность более взвешенной и более рациональной их оценки. Это, в свою очередь, создает условия для более органичного включения исторических начал в идентификационный процесс. Как показало исследование Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенное в апреле 2011 г., большинство населения страны не воспринимает бывший СССР ни как «империю зла», ни как «весну человечества». В массовом сознании сожаления по поводу распада СССР не наблюдается, равно как и желания его возродить, воссоздать в том или ином виде империю. Россияне живут настоящим, связывают свои надежды и ожидания с нынешней Россией. Их скорее разделяет не прошлое, а настоящее: доля выигравших от начавшихся в 1991 г. реформ составляет лишь 10%, и в 2,5 раза меньше тех, кто считает себя проигравшим в результате реформ [Комаровский 2016: 23].

В заключение – об эпицентре дискуссии, связанной с революцией 1917 г. Власть, похоже, уже определилась со своей позицией. В одном из интервью летом сего года президент Владимир Путин заявил: надо в первую очередь обсуждать не достижения и провалы революции, а что к ней привело, почему революция переросла в гражданскую войну, как избежать этого сценария в будущем. В общем и целом, такой подход приемлем для большинства экспертного сообщества, включая его либеральное крыло. Участники дискуссии «Революция как проблема российской истории», результаты которой опубликованы в упомянутом выше издании «Современная Россия: Дискуссия», в итоге констатируют: для аналитика-современника революция 1917 г. – это не констатация безволия царя, бездарности министров Временного правительства и т.п. Главная его задача – понять, как неизбежное столкновение различных политических сил и амбиций их лидеров, борьба за власть в условиях сложного общества, кризисных ситуаций может сочетаться с ответственностью за судьбы страны и народа; что нужно для того, чтобы борьба за свободу и справедливость не превратилась, в конечном счете, в русский бунт, «бессмысленный и беспощадный». Это действительно главная задача. Успех ее решения и будет определять в будущем масштабы воздействия исторических событий 1917 г. на формирование национально-государственной идентичности России.

Список литературы

Горшков М. 2016. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)*. 2-е изд., перераб. и доп. Новый хронограф. Т. 1. 416 с.

Дробужева Л., Рыжова С. 2015. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 9-24.

Комаровский В. 2013. Модернизация и национально-государственная идентификация России. – *Rosja 21 wiek. Geopolityka, Gospodarka. Kultura*. (red. Marian Wilk). Lodz: Wyzsza Szkola Studiow Miedzynarodowych w Lodz. С. 576-590.

Комаровский В. 2016. Национально-государственная идентичность России. — *Россия в XXI веке*. М.: Аспект Пресс. С. 12-30.

Красин Ю. 2017. Величие и трагизм советского «эксперимента». — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 10-23.

Малинова О. 2015. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: РОССПЭН. 207 с.

Современная Россия: Дискуссия (под ред. И. Глебовой). 2014. М.: ИНИОН. 324 с.

Сохань И., Нездюрлов А. 2015. Нарциссическое очарование тоталитарной власти: опыт философской и психоаналитической рефлексии. — *Публичная политика — 2014: сборник статей*. СПб: Норма. С. 72-81.

Шестопап Е. 2015. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 136-151.

Bell D.S.A. 2003. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. — *British Journal of Sociology*. Vol. 54. Iss. 1. P. 63-81.

KOMAROVSKY Vladimir Savel'evich, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Political Science and Political Management, Faculty of Public Administration, Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 9, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; poignalb@yandex.ru)

THE LEGACY OF THE REVOLUTION OF 1917 IN SHAPING NATIONAL-STATE IDENTITY IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article examines the impact of the revolution of 1917 on the formation of national-state identity in the perspective representation of this event in public history, which includes media, public policy, government discourse, and mass consciousness. The author identifies the origins and causes of differences and disagreements concerning the assessment of the events of the revolution, its influence on the subsequent development of the Russian state and society. The article analyzes possibilities to overcome these differences, the tactics and strategy of symbolic politics of individual actors in the presentation of the events of the revolution, its consequences, and the impact of symbolic politics (politics of memory) on the formation of national-state identity.

Keywords: national identity, revolution, distraction, public history, symbolic politics, agenda, civilization, Communist legacy, totalitarianism
